

Виктор Кривулин

ЗЕРКАЛЬНЫЕ ГРАНИ СЧАСТЬЯ

море подобное небу

море подобное небу а небо себе самому
о, настолько простые стихи что мужчины
в них никакой но просторно
как не бывает ни в море ни в небе
и ни одного человека
даже меня самого

полуголые люди в горах

полуголые люди в горах
голые скалы
камень из-под ноги
выскочит как живой
и бесконечно долго
повис над морем

змеиная складка

змеиная складка прибоя
перекатывается бульжник
шипит и грохочет
шипит и не слышишь
моего шепота
что шепчу? о чём?

гроты полные мух

гроты полные мух и объедков
тропинка над бездной прозрачной
опасное место
отмечено детским ведерком
расплющенным = а вокруг
валиются жалуди
все бесконечно прекрасно
ко всему привыкаешь

ничто не рифмуется

итак ничто ни с чем не рифмуется
плотоядные грозы, проблема вина и хлеба
никчемный поэт = виноградины вечно-зеленой
удивленное сочное "о"
заслоняет лицо и поселок и солнце
и не умолкает

необъяснимо

необъяснимо в пекле курортном
присутствие Бога
исповедальные разговоры
портреты со слишком большими глазами
кошка-трехцветка прижала больное ухо
замерла с поднятой лапой
исчезла

говорить как молчать

говорить как молчать
идти как не двигаться с места
жить как не жить
как не жить если чудо вокруг!
можжевельник сосна кривая
на вершине скалы
и может быть вечная жизнь

сюжет

сюжет; я сижу с обломком поэта
нынче не пьющий он счастлив
яшмовое лицо
найдя на пляже
смотрит говорит - картина
и правда: пьяный китаец
на зеленую смотрит луну

закрытая для иностранцев

закрытая для иностранцев
часть побережья
здесь хаос
ящмы пейзажной
здесь подземный порядок
в талерах туннелях щахтах
где летучие мыши ракеты люди

сколько уехало

сколько уехало сколько погибло сколько
село а севастопольский поезд
следует по расписанию
утвержденному кем-то
Кажется кагановичем
тысячелетье назад
и в четыре с чем-то утра
сталинский симферополь

прочтешь

прочтешь улыбнешься бледное чувство
промелькнет исчезнет
и все стихи
вымысленные горы
нас окружают
сходит загар ложатся
под глазами тени складки морщины
световые дорожки

боль это слишком

боль это слишком легко
любовная мука
общественная сперимость
острие экстаза
счастье непереносимо
не трогает не передается
не проинзает

лужа и куча (море и гора)

зеленая желтая серая лужа
одна и та же но в разное время
тихие дети на корточках сидя
на воду смотрят

рядом — сметенные в гору сырью
сухие листья — зеленые желтые листья
подходит женщина в чем-то бесцветном
поджигает — и никакого огня

только ниже и ниже стелется дым
почти касаясь морщин асфальта
и дети на корточках сидя
на воду смотрят

надо что-то сказать
разорвать словесную пленку
что-либо с оцепенелым пейзажем
сделать — что-нибудь чтобы ожило

нет
какая-то шероховатость
мешает

Наши проблемы

наши проблемы
они только наши проблемы
больше иначе
но чьи это = наши?

о, не только наши проблемы!

ночное племя
победители солнца
пожиратели видимого излучения
очаги нечаянного тепла

все уходим со сцены
а цель остается = зачем

жемчужно-млечными сосцами
небо касается края
вогнутой чаши земной
и воздух молочный меня окружает?

молочный воздух меня облекая
влажный упругий податливый
на сотую долю градуса
а все-таки мною согрет

большая

большая
не просто большая - громадная
даже душа не вмещает
даже назвать не умею
по человечески - радость? печаль?
магниевая стена полу дня
между ними?

элегический мусор

элегический мусор шевелится
обувь моя утопает
в листьях сухих

стихотворные скверы окрашены грустью
помимо желанья и воли
грустью окрашены

разбиты после войны
вместо сгоревших домов
и деревянных сараев

как же я раньше

как же я раньше слышал не слыша
убогого слова из человеческих букв
из ярко-оранжевых безрукавок
на дорожных работах

надо же я изъяснялся витиевато
настроение-сердце-душа ..
и твоего не падало взгляда.
на строительный хаос

прошли не снимая шапок
мимо временного забора
за которым что-то вздыхало
ухало что-то

сухие глаза губы сухие горло
пересохло - остановились - ты слышал
прерывистое дыхание мертвых
в недостроенном небе?

Встретимся на углу

встретимся на углу
дзержинского с гоголем
около гсма
пиковой дамы

холодно холодно ждать!

теперь никто не живет
парадные твери забитыми держат
откуда-то со двора
входят выходят

говорят
там-то их лечат
там лечат

совсем сегодняшний день

совсем сегодняшний день
это почти вчера
это чуть ли не завтра
обволакивающие вечера
смутное чувство
ясности смерти заката
и вот загадка - рожденья
здесь я снова и снова
конечно конечно здесь
куда же денусь?

корневая система

корневая система
великих сибирских рек
клубни устьев
зеленые льды океана

белый цветок полярных полей

ты прекрасна
правда мерзлой картошки!
ты несешь семена
вечной жизни

безвечернего белого дня

и нет ему ночи на смену
роздыха нету ..
праздник и праздник

мало времени

мало времени

малое время и Время Большое
помнишь — пат-паташон
два идиота с единой душой
днем луна и вечером иллюзиян

и действительно; времени мало
а вечности полный вагон
деревянные помнишь диваны
в дубовой утробе вокзала?

человека с двумя — одна на другую
нашетыми шляпами? сваренные вкрутую
чистили яйца и ел непрерывно
все время он ел — полный рот

желто-белое мессиво
смешанное со словами
что-то насчет, измени
что цескать одно яйцо

заменяет стодвадцать пять граммов мяса

пасхальные красные яйца
где акварелью
синий очерчен кремль
белые серп и молот

из воды изумрудной

из воды изумрудной торчат обломки скалы
вот носорог спина исполинской лягушки
вот голова рыси
лапы хребет и хвост
тиранозавра

завтрашний зоосад
когда ни единого Зверя ни Птицы ни Гада
не останется на земле
только море и камни

мы « последняя жизнь »
придем сюда постоять
пивную жестянку расплющить об острый край
тигриного уха

мы выпьем
остаток теплого пойла
и один из нас кто-нибудь
молча покажет

на торчащую из воды
фигуру в плаще и шляпе

дул ровный ветер

дул ровный ветер
ветка сафоры скрипела
раскачивалась луна
стучали костью об кость
железом об дерево как мертвцы
слова завезенные мною
из литературной столицы
там — живые здесь — Нелюди и скорлупы

окончены стихи

окончены стихи = три, девять, сорок дней
должно пройти пока не потеряют
последнего тепла = луша? простимся с ней
пускай другие повторяют

ее извилистый ее закостенелый ход
червяк покинул яблоко = он вылез
на свет и в ослеплении ползет
а мы во тьме остановились

доступный сердцу сектор бытия
все гуще населен исчезновением =
переливается шипя через края
с холодно-солевым кипением

единственное вещество
не исчезающее в нас ни вместе с нами =
прозрачная невидимая память
когда никто не помнит никого

1981 г.